УДК 821.161.1

С. Ю. Корниенко

Институт мировой литературы им. Горького
ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

sve-kornienko@yandex.ru

«ГРЕШНИЦА НА ИСПОВЕДИ В ГОСИЗДАТЕ»: КНИГА СТИХОВ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ВЕРСТЫ. ВЫП. I» В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ КРИТИКЕ

Статья посвящена полемике в советской прессе вокруг книги стихов М. Цветаевой «Версты. Вып. I». Первым отзывом на «Версты» стала статья «Литературная Москва» О. Мандельштама, опубликованная в журнале «Россия». Его уникальность связана с тем, что в нем анонсируется еще не вышедшая книга Цветаевой и задаются установки будущих прочтений «Верст» в советской критике. Принципиальное приращение в критике 1923–1924 гг. связано с рефлексиями на тему государственной издательской политики, в контексте которых осмысляются «Версты». Подробно рассмотрена позиция критического пула из журнала «На посту» (С. Родов, Г. Лелевич) по отношению к издательской политике Государственного издательства, в котором была опубликована цветаевская книга. Объясняются мотивы и установки самой Цветаевой, уже из эмиграции пытавшейся опубликовать свои новые произведения в Госиздате.

Ключевые слова: Цветаева, Государственное издательство, Родов, Лелевич, издательская политика, журнальная политика.

В истории советсткой критики знаменателен 1922 год, в который Марина Цветаева сдаст в московский Госиздат свою книгу стихов «Версты. Вып. 1» и надолго покинет Советскую Россию. Летом 1922 г. Л. Троцкий публикует серию статей «Внеоктябрьская литература» [1991], в которой будут определены новые установки журнальной и издательской политики. Кроме того, московский Госиздат подвергнется атаке со стороны некоторых радикальных литературно-политических групп, в частности критического пула журнала «На посту».

Обстоятельства выхода книги стихов «Версты. Вып. I» и последующая реакция на книгу в советской критике были известны Цветаевой лишь опосредованно: в мае 1922 г. она покинет Советскую Россию; долгожданная книга поступит в продажу в начале декабря 1922 г., а первые критические отзывы появятся только в начале календарного 1923 г. Причем одним из первых критических отзывов, появившихся в прессе, станет статья О. Мандельштама «Литературная Москва», в которой цветаевский друг фактически оформляет разрыв с одним из важных адресатов своей книги стихов «Tristia»: «Для Москвы самый печальный знак – богородичное рукоделие Марины Цветаевой, перекликающееся с сомнительной торжественностью петербургской поэтессы Анны Радловой. Худшее в литературной Москве – это женская поэзия. Опыт последних лет доказал, что единственная женщина, вступившая в круг поэзии на правах новой музы, – это русская наука о по-

Корниенко С. Ю. «Грешница на исповеди в Госиздате»: книга стихов М. Цветаевой «Версты. Вып. I» в ранней советской критике // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 6: Журналистика. С. 20–25.

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Том 14, выпуск 6: Журналистика
© С. Ю. Корниенко, 2015

эзии, вызванная к жизни Потебней и Андреем Белым и окрепшая в формальной школе Эйхенбаума, Жирмунского и Шкловского» (Мандельштам, 2010. С. 102). В монографии И. Шевеленко этот пассаж Мандельштама указывается в качестве единственного актуального отклика в советской прессе на цветаевский сборник. Исследователь предлагает рассматривать мандельштамовский выпад в качестве реакции на уходящий культурный образец – «поэтессы 1910-х годов» [2002. С. 215–216].

Уникальность мандельштамовского отзыва состоит в том, что его статья в сентябрьском номере журнала «Россия» за 1922 г. анонсирует еще не вышедшую книгу Цветаевой, при этом страстно-предвзятый характер интенций, обращенных к давней поэтической подруге, позволяет предположить о «свежем» знакомстве поэта с подвергаемым остракизму эстетическим объектом. Следует заметить, что появление в прессе развернутых отзывов, анонсирующих еще не вышедшую книгу, не столь частое явление, в абсолютном большинстве случаев они инициировались непосредственно рецензируемым автором. В качестве примера можно привести известную рецензию М. Кузмина на «Чужое небо» Н. Гумилева, вышедшую во втором (февральском) номере «Аполлона» за 1912 г., в то время как сам сборник будет напечатан в марте того же года [Лукницкий, 2010. С. 282]. Другой пример указывает А. Г. Мец в комментарии к «Tristia» и в хронике Мандельштама. Хвалебная рецензия В. Жирмунского «На путях к классицизму (О. Мандельштам “Tristia”)», предваряющая предполагаемую публикацию в петроградском «Петрополисе», увидит свет в журнале «Вестник литературы» еще в июле 1921 г. Однако в связи с цензурным запрещением Мандельштам не сможет издать книгу в России, «Tristia» выйдет в Берлине только через год после обнародования рецензии [Мандельштам, 2014. С. 202, 233].

Вероятное знакомство Мандельштама с рукописью цветаевской книги могло произойти во время кратковременного проживания в доме Марины Цветаевой (конец апреля 1922 г.). Об этом мы узнаем благодаря разысканиям А. Г. Меца из трех независимых источников в личной хронике Мандельштама. Цветаевский адрес (Борисоглебский, д. 6) появляется в проекте договора от 21 апреля 1922 г. между Госиздатом и Мандельштамом [Издание художественной литературы…, 2009. С. 269]. Из дневниковой записи И. Н. Розанова (вечер 18 апреля 1922 г.) также становится известно, что Мандельштамы поселились у Цветаевой [Мандельштам, 2014. С. 219]. Позднее о «поэтической коммуне», стихийно организовавшейся в цветаевском доме, вспоминал поэт и сотрудник Госиздата П. Н. Зайцев [Там же].

В автобиографической зарисовке Цветаевой «Моя судьба как поэта» (1931) две госиздатовские книги («Царь-Девица» и «Версты I»), сданные в печать перед отъездом за границу, становятся, с одной стороны, эффектным завершением русского периода цветаевской биографии. С другой – роль покинутой и покоренной поэтом Москвы на три летних месяца 1922 г. закономерно подхватит Берлин, куда Цветаева прибывает в качестве успешного литератора, обладающего крупным символическим капиталом, – вышедшими поэтическими книгами, уже налаженными связями с литературными институциями: «Перед отъездом из Р<оссии> выпускаю у Архипова (был такой!) маленькую книжечку “Версты” (сборничек) и Госиздат берет у меня Царь-Девицу и другие Версты, большие. <…>

Приехав, издаю – Ремесло (стихи за 1921 г. по апрель 1922 г., т. е. отъезд из Р<оссии>), Царь-Девицу – с *чудовищными* опечатками и Психею (сборник, по примете романтики), купленную Гржебиным еще в Р<оссии>. Потом, в Праге, в 1925 г. – Мóлодца. Потом, в Париже – каж<ется> в 1927 г. – После России (за к<отор>ую не получаю ни копейки)» (Цветаева, 1997. С. 437).

В заметке «Моя судьба как поэта» причины растраты символического капитала являются объектом мучительной авторефлексии. Относительная поэтическая и социальная успешность последнего года в России и первых лет эмиграции (по 1925 г.) в противопоставлении, с одной стороны, дореволюционному периоду с «холостыми», с точки зрения литературной репутации, тремя первыми сборниками, с другой – парижскому, неоднократно подвергалась цветаевскому самоанализу. Маркером растраты символического капитала, как это часто бывает, становится капитал вполне физический – отсутствие гонорара («не получаю ни

копейки») за сборник «После России» (1928). Скорый отъезд из Берлина в Прагу (1922) не способствовал пониманию Цветаевой реальных тенденций в издательской политике, тем более в оставленной ею Советской России. В письме Роману Гулю от 11 апреля 1924 г. Цветаева, предлагая ему роль литературного агента в переговорах с «берлинским председателем Госиздата», считает возможным опубликовать в московском «Госиздате» сразу две свои книги – «Версты II» и «Умыслы»: «Пусть он (у Цветаевой, «берлинский председатель Госиздата». – *С. К.*), в возможно скором времени, запросит московский Госиздат (там у меня друг – П. С. Коган и, если не сменен, благожелатель – цензор Мещеряков, взявший мою Царь-Девицу, не читая, по доверию к имени (коммунист!)). По отношению к Госиздату я чиста: продавая им перед отъездом “Царь-Девицу” и “Версты” (I), – оговорилась, что за границей перепечатаю. (Что и сделала, с “Царь-Девицей”). <…>

Одновременно с ответом Госиздата пусть сообщит мне и условия: 1) гонорар 2) количество выпускаемых экземпляров 3) срок, на который покупается книга.

Деньги – *мое* условие – при сдаче рукописи, все целиком.

Есть, для Госиздата, еще другая книга: “Версты” (II) – стихи 1917 г. – 1921 г. (Первую они уже напечатали.) М. б. и эту возьмут. Предложите обе.

Теперь трудности: переписывать и ту и другую я могу только *наверняка*, – большая работа, тем более, что переписывать придется по новой орфографии, чтó, в случае отказа для заграницы не пригодится, ибо здесь печатаюсь по-старому. *Книги им придется взять по доверию*. “Умыслы” Вы, по берлинским стихам, немножко знаете, остальные не хуже.

“Версты” (II) вполне безвредны, продолжение первых. “Политические” стихотворения все отмечу крестиками, захотят – напечатают, захотят – выпустят. Думаю, первое, – есть такое дуновение» (Цветаева, 2013. С. 31–32).

Договоренность Цветаевой с Госиздатом о возможности перепечатки «Царь-Девицы» и «Верст I» если и существовала, то, вероятно, носила неформальный устный характер. В типовом договоре, заключенном Цветаевой с Госиздатом по поводу публикации поэмы-сказки «Царь-Девица», отдельным третьим пунктом было указано отчуждение авторских прав сроком на три года: «Государственное издательство приобретает у М. И. Цветаевой право исключительного пользования на упомянутое выше произведение сроком на три года, считая со дня выхода его в свет» [Издание художественной литературы…, 2009. С. 252]. С позиции Госиздата выход берлинского издания «Царь-Девицы» (1922) являлся очевидным нарушением заключенного письменного контракта. Безусловная уверенность Цветаевой в интересе Госиздата образца 1924 г. к ее персоне (отсюда императивная модальность, предварительный диктат условий и пр.) позволяет предположить не только незнание крайне неблагоприятных для модернистов «дуновений» 1924 г., но и последствий публикации двух ее произведений.

В 1923 г. издания Цветаевой неоднократно упоминаются в столичной прессе в качестве примера отнюдь не курьезного прецедента внезапной «добросердечности» как в целом московской редакции Госиздата, так и персонально – главного редактора Н. Мещерякова, не только к белобандитке и эмигрантке Цветаевой, но и ко всей «несвоевременной литературе» – от «красного графа» Алексея Толстого до ЛЕФа. В третьем номере «ЛЕФа» за 1923 г. опубликовано несколько ответов на разгромную статью Л. С. Сосновского «Желтая кофта из советского ситца» (1923. № 113. 24 мая), в которой порицалась практика Госиздата тратить государственные деньги на бесполезный и несвоевременный «ЛЕФ». Персональные претензии были высказаны и главе московского Госиздата Н. Мещерякову. Например, в объемной статье напостовца Г. Лелевича «1923 год: литературные итоги» (1924. № 1. С. 71–102) в раздел «Бесплодная смоковница» будут помещены отклики как на цветаевское «Ремесло» (Берлин, 1923), так и отдельное издание книги А. Толстого «Аэлита (Закат Марса»)» (М.; Пг: ГИЗ, 1923). В случае Цветаевой Госиздат только упоминается – как курьез, предшествующий эмиграции: «Цветаева печатает свои стихи и в нашем добросердечном Госиздате, и в эсеровских “Современных записках”, но душа ее вряд ли испытывает подобное раздвоение. Идеологически и психологически Цветаева – целиком эмигрантка». Здесь же Алексей Толстой, автор «Аэлиты», опубликованной отдельной книгой именно в Госиздате, аттестуется авто-

ром обзорной статьи в качестве «аристократического стилизатора старины, у которого графский титул не только в паспорте, но и в писательской чернильнице» (Лелевич, 1924. С. 79–80).

Безусловно, 1923–1924 гг. в истории московского Госиздата оказались кризисными. В 1923 г. и в центральной (С. Родов, Г. Лелевич), и в региональной (Б. Лавренев, П. Скосырев) прессе появляются статьи с ультимативным требованием коррекции политики издательства, в каждой из них книги Цветаевой трактуются в симптоматическом ключе как признак очевидной болезни, постигшей московский Госиздат.

В объемной статье напостовца С. Родова «Оригинальная поэзия Госиздата» (1923. С. 139–160) последовательно проанализированы – с градацией от «самой безобидной» к наиболее зловредной – семь выпущенных Госиздатом книг стихов, каждой из которых был посвящен отдельный раздел: «Сусальный рай» – С. Клычкову, «Дама приятная не во всех отношениях» – П. Соловьевой, «Трувер господа нашего Иисуса Христа» – Г. Шенгели, «Грешница на исповеди у Госиздата» – М. Цветаевой, «Житие святой» – Е. Волчанецкой, «О душе, о господе и темной жизни» – П. Зайцеву, «Герой не нашего времени» – В. Ходасевичу. Статья начинается с иронического пассажа в сторону безответственного, с его точки зрения, руководителя Госиздата Н. Мещерякова, критикующего на страницах «Печати и революции» стихи М. Волошина. Комичность ситуации видится Родовым в том, что стихотворения Волошина были напечатаны в альманахе «Наши дни», изданном Госиздатом: «Единственное объяснение, которое мы можем допустить, это то, что тов. Мещеряков не знал о помещении этого стихотворения в издании Госиздата, так же как не знал, должно быть о выходе тех семи книг стихов, которых мы подробнее коснемся ниже. Иначе мы, вероятно, имели бы удовольствие читать новую статью тов. Мещерякова на тему "*О роли Госиздата в распространении мистики и анти-революционных идей*". Так как мы до сих пор такой статьи не встречали, мы возьмем на себя не совсем благодарную задачу выполнить эту работу за Мещерякова и восполнить допущенный им пробел» (Там же. С. 143).

Родов расположил семь сборников стихов (от Клычкова до Ходасевича) по степени эскапизма лирического «я»: от «самой безобидной» формы у С. Клычкова, где есть «Лада, дубравна, леший, Бова-королевич» и в художественном мире которой «до революции, до борьбы, до советской действительности никому никакого дела нет» (Там же. С. 147), – до скептика Вл. Ходасевича, для которого жизнь – «это «тихий ад», «блистательная кутерьма», «темно-лазурная тюрьма» (Там же. С. 154). Цветаевский раздел («Грешница на исповеди у Госиздата»), посвященный «Верстам I», входит в условно религиозный кластер статьи, куда критик включает также П. Соловьеву, которой «хорошо только в церкви и на небесах», «трувера господа нашего Иисуса» Г. Шенгели, а также Е. Волчанецкую, несколько отличающуюся от «отчаянной грешницы» Цветаевой ореолом «святости» и петроградской пропиской. «*Культ богородицы и церкви стоит в центре книги М. Цветаевой*, – отмечает критик. – Среди "Стихов о Москве" есть одно, которое мы с особым удовольствием предложили бы комсомолу распевать под окнами Госиздата в качестве серенады» (Там же. С. 149–150). В финале статьи сформулированы три вопроса: «1) Как могло случиться, что эти книги изданы Госиздатом? 2) Как Госиздат сам будет квалифицировать факт издания этих книг? 3) Как будет действовать Госиздат в дальнейшем?» (Там же. С. 160), дискурсивная природа которых выходит за рамки классического критического обзора, сближая обзорную статью с политическим доносом.

Очевидные вопросы, возникающие у современного исследователя Цветаевой, связаны с невозможностью (прежде всего из-за отсутствия должного документирования – регулярного дневника, полного объема эпистолярного наследия и пр.) экстраполяции в*и*дения ею литературной ситуации в Советской России. Для большинства поэтов, как из ближнего (Волошин, Парнок, Герцык), так и дальнего (Ахматова, Кузмин) ее окружения наступающий 1924 г. связан с закреплением состояния «внутренней эмиграции», постепенным вытеснением их из печати и актуального литературного процесса.

Не могла ускользнуть от внимания Цветаевой и широкая дискуссия в эмигрантской среде вокруг доклада И. Бунина «Миссия русской эмиграции» (Париж, 16 февраля 1924 г.). Идеология отчуждения / самоизо-

ляции от современной России, враждебная установкам Цветаевой и характерная для правого политического дискурса, закреплялась в бунинском докладе метафорами русской эмиграции: от народа Израилева (сюжет исхода из Египта) – до восходящих к знаменитой опере кавалера Глюка хоров «миллионов душ, облеченных в траур» (Бунин, 1998. С. 149).

С другой стороны, Цветаева могла отреагировать и на отдельные факты советской литературной жизни. Если в качестве источника знаний о «дуновениях» рассматривать хронику советской литературной жизни в эмигрантской прессе, то там не раз сообщалось о позитивных явлениях (выход новых книг, участие в вечерах и сборниках), связанных с именами Пастернака и Мандельштама. Не редко также упоминались имена бывших эмигрантов А. Белого и А. Толстого, прежде всего в связи с литературными дискуссиями и издательскими проектами.

Насколько внимательно Цветаева изучала газеты и вникала в подробности литературной политики осенью 1923 и в начале 1924 г. – этот вопрос оставим открытым. Однако в июньском письме Пастернак расскажет своему адресату о целом веере событий, связанных с ее именем:

«Я черт знает сколько уже ничего не писал, а стихи писать, наверное, разучился. Между прочим, я Ваши тут читал. Цветаеву, Цветаеву, кричала аудитория, требуя продолжения. Часть Ваших стихов будет напечатана в журнале “Русский современник”. Туда же одно лицо давало хорошую статью о Вас. (Вы этого человека не знаете, мальчик, воспитанник Брюсовского Института, исключенный за сословное происхождение, знающий, философски образованный, один из “испорченных” мною). Они статьи не поняли и возвратили. Хочу писать и я статью. А бобровскую в “Печати и революции” получили? Вздорная, но сочувственная» (Цветаева, Пастернак, 2008. С. 98).

Несмотря на то что пастернаковское письмо не может считаться прямым источником необъяснимого оптимизма, охватившего Цветаеву весной 1924 г., так как было написано и получено спустя два месяца после делового предложения Госиздату, все же отметим, что оно принадлежит тому же самому периоду в ее биографии. Сама же ситуация эмиграции, усугубленная изоляцией в пражском предместье, весьма способствовала деформации в*и*дения Цветаевой актуальных издательских и политических конвенций в покинутой ею два года назад литературной метрополии. На этом фоне факт публикации стихотворений в «Русском современнике» мог быть прочитан затосковавшей Цветаевой в качестве пусть и небольших, но положительных подвижек в советской литературной среде.

Список литературы

Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по Фонду Госиздата / Сост. Л. М. Кресина, Е. А. Динерштейн. М.: РОССПЭН, 2009. 462 с.

Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб.: Наука, 2010. 893 с.

Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Приложение. Летопись жизни и творчества / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгольфа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой. М.: Прогресс-Плеяда, 2014. 536 с.

Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 464 с.

Список источников

Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под ред. О. Н. Михайлова; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.: Наследие, 1998. 640 с.

Лелевич Г. 1923 год: литературные итоги // На посту. 1924. № 1. С. 71–102.

Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгольфа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. Т. 2: Проза. 760 с.

Родов С. Оригинальная поэзия Госиздата // На посту. 1923. № 2–3. С. 139–160.

Сосновский Л. С. Желтая кофта из советского ситца // Правда. 1923. № 113. 24 мая.

Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 399 с.

Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997. 640 с.

Цветаева М. И. Письма 1924–1927 / Сост., подгот. текста Л. А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 2013. 760 с.

Цветаева М. И., Пастернак Б. Л. Души начинают видеть: письма 1922–1936 годов / Сост., предисл. И. Д. Шевеленко, подгот. текста, коммент. И. Д. Шевеленко, Е. Б. Коркиной. М.: Вагриус, 2008. 720 с.

Материал поступил в редколлегию 26.02.2015

S. Yu. Kornienko

Gorky Institute of World Literature
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation

Novosibirsk State Pedagogical University
28 Viluiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation

sve-kornienko@yandex.ru

«A SINNER AT CONFESSION IN GOSIZDAT»: M. TSVETAYEVA'S BOOK OF POETRY «MIELEPOSTS. VOL. I» IN THE EARLY SOVIET CRITCISM

The article is devoted to the polemics in the soviet press about M. Tsvetayeva's book of poetry «Mileposts. Vol. I». O. Mandelstam's «Literary Moscow», published in the «Russia» magazine, was the first response to «Milestones». Its uniqueness is defined by the fact that it announces the not yet issued Tsvetayeva's book and determines the base for future readings of «Milestones» by the soviet critics. In 1923–1924 the criticism was supplemented with reflexions on the state publishing policy which would shape the context for interpretations of the book. We examine closely the position of literary critics of the «Na Postu» magazine (S. Rodov, G. Lelevitch) towards publishing policies of the State Publishing House (Gosizdat) that issued Tsvetayeva's book. The article also explains Tsvetayeva's own motives and attitude considering how the poet, being already in emigration, tried to get her new work published by Gosizdat.

Keywords: Tsvetayeva, State Publishing House, Rodov, Lelevitch, publishing policy, magazine policy.